

УДК 141.7: 316.46

И.А. Галяс, старший преподаватель

Севастопольский национальный университет ядерной энергии и промышленности

ул. Курчатова, г. Севастополь, Украина, 99033

E-mail: library@sinp.com.ua

ФОРМАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛИДЕРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Рассматривается сущность формальной рациональности как целерациональной установки в деятельности базового носителя субъективного фактора (лидера) и обосновывается необходимость преодоления ее односторонности в условиях современного транзитивного общества.

Ключевые слова: лидер, формальная рациональность, целерациональная установка, ценностно-рациональная установка, цинизм.

Актуальность темы исследования обусловлена нестандартными объективными условиями современного времени. В условиях процессов глобализации и ускорения в мире происходит угасание национальной государственности, унификация социально-политических структур, разрыв культуры и цивилизации, разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, потеря связи поколений, мировые масштабы терроризм, усиливается миграция населения. Мир становится как бы единым и сжатым. Реальность этих процессов поставила под сомнение устои индустриального общества и привела к цивилизационному кризису не только европейского, но и планетарного масштаба.

Нестандартные объективные условия провоцируют рождение нестандартного субъективного фактора. Это находит свое выражение в антропологическом кризисе, обусловленном «формальной рациональностью» идеологии модерна. Его суть заключается в дефиците человечности, размывании мировоззренческих основ самоопределения человека и одновременно – призывов уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни. Воплощением нестандартного субъективного фактора выступает феномен лидера, который в переломный момент трансформации современной цивилизации не только не утрачивает свою значимость, а усиливается и становится решающим.

По мнению американского теоретика менеджмента XX века Питера Фердинанда Дракера: «Исторические успехи нации на 80 % определяются не природными ресурсами, не экономическим базисом или технологиями, даже не талантом народа, а эффективностью управления. Вот почему одни страны быстро прогрессируют, а другие топчутся на месте» [1]. П.Ф. Дракер несколько преувеличил роль субъективного фактора. Но в условиях общих транзитивных (переходных) процессов, дезорганизации социума, степень предсказуемости поведения социетальной системы существенно снижается, а значимость субъекта власти – лидера, которому предстоит сделать выбор новой стратегии, многократно возрастает.

Особое внимание к феномену лидера связано, прежде всего, с тем, что лидер в переходные периоды обладает способностью консолидировать общественные и государственные институты; обеспечивать через ценностные ориентиры предпосылку достойного ответа очередному историческому вызову; регулировать межэтнические и межконфессиональные отношения; преодолевать девиантные проявления и создавать предпосылки для разрешения существенных противоречий в обществе.

Анализ авторских источников, посвященных заявленной проблеме, позволил определить объект исследования. Это диалектика условий и субъективного фактора в системе координат общественного развития. Предметом исследования выступает лидер как составляющая субъективного фактора современного транзитивного общества.

Цель статьи – раскрыть сущность формальной рациональности как крайности целерациональной установки в деятельности лидера индустриального общества и обосновать необходимость формирования в новых исторических обстоятельствах гуманистической парадигмы лидерства.

Объект, предмет и цель исследования иницируют задачи:

- исследовать истоки формальной рациональности лидера современного транзитивного общества;
- показать ограниченность формальной рациональности как целерациональной установки и необходимости ее преодоления в условиях транзитивных процессов XXI века.

Решение задач, заявленных в статье, потребовало от автора анализа, обобщения и осмысления данной проблемы в научной и философской литературе. При работе над статьёй были использованы труды зарубежных и отечественных исследователей Г.Риккорта, И.Канта, М.Шелера, М.Вебера, В.И.Вернадского, Ж.-Ф.Лиотара, Г.Дильса, Ф.Сейера, Б.Рассела, В.Ф.Асмуса, А.С.Богомолова, А.А.Гусейнова. Существенную помощь в раскрытии заявленной проблемы оказали монографии П. Слотердайка и М.С.Кагана.

Соціально-філософське дослідження взаимоотношеній общества и лидера в роботах М. Вебера, В.І. Вернадського, О.Г. Дробницького и других показало залежність аксіологічних основ діяльності суб'єкта влади від нормативно-ціннісних образів історичної епохи, в якій діє носитель суб'єктивного фактора. Ціннісні орієнтири лідера завжди виступають як результат детермінованості внутрішніх факторів, к которым следует отнести индивидуальные потребности, интересы, знания, ценности, идеалы субъекта власти и внешних «каналов» – общественных потребностей и интересов социума.

В ходе анализа источников установлено, что в основе ценностной деятельности лидера лежат идейно-целевые, нормативные ориентиры, определяющие социальную практику субъекта власти. Характерной чертой деятельности носителя субъективного фактора является цель. В социальной психологии цель определяется как осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека. В социальной философии понятие «цель» рассматривается в значении формального описания конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая самореализующаяся функционирующая система, а также предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность поведения людей в обществе.

Анализ понятий «ценность», «цель», «идеал» выявил, что в философской теории ценностей они включают в себя не только знания, но и оценку. По И. Канту «цель» и «идеал» – это разные модификации проектной, моделирующей, духовно-преобразовательной деятельности нашего «продуктивного воображения» [2]. В современной социальной философии «ценность» – это определение значения для субъекта чего бы то ни было, в том числе и «целей», которые бывают и благими, и дурными, идеалов – «потребного» или «непотребного» будущего (антиутопии в противоположность утопиям). Различие этих «плодов» духовной деятельности лидера состоит в том, что «цель», «идеал», «проект» характеризуют процесс деятельности субъекта власти формально, технологически, а «ценность» содержательно, смыслово, идеологически [3, с. 83]. Разделяя взгляды М.С. Кагана автор рассматривает деятельность лидера с позиций целерационального или ценностно-рационального социального действия, востребуя принцип восхождения от конкретного к абстрактному.

Социально-философский анализ феномена лидера показал, что в трудах мыслителей уже со времен античности рассматривалась проблема единства знаний и ценностей. Мыслители стремились распознать их сущность как гармоничное и разумное понимание общественного бытия. По Аристотелю, деятельность правителя «во благо всех» оценивалась не только рационально, но и через призму ценностной ориентации [4]. Этот ценностный идеал античности наследовался как должное от эпохи к эпохе. Но в реальной жизни и деятельности лидеров сочетание двух установок в деятельности субъекта власти – установки целерациональности и ценностной рациональности зависели как от атрибутов субъекта власти, его «воли к истине» и «воли к духовному совершенству», так и объективных условий среды.

Социальная рационализация получила свое обоснование в работе М. Вебера «О некоторых категориях понимающей социологии» и связана с его трактовкой понятий «ценность» и «социальное действие». В отличие от Г. Риккерта, рассматривающего ценности и их иерархию как нечто надисторическое, М. Вебер склонен трактовать ценность как установку той или иной исторической эпохи. Согласно его концепции, у каждого времени есть свои абсолюты. Они историчны, а стало быть, относительны. Тем самым ценности из области надисторического по М. Веберу переносятся в историю [5, с. 497].

Мыслитель обосновывает три идеальных типа авторитета лидера (в зависимости от того, на чём основаны его притязания на власть): харизматический, рациональный и патриархальный. М. Вебер анализирует их, исходя из категории «социальное действие» [5].

Социальное действие, по Веберу, предполагает два момента: первый – субъективную мотивацию лидера, без которой вообще нельзя говорить о действии, и второй – ориентацию на другого (других), которую Вебер называет еще и «ожиданием». Без ориентации на других действие не может рассматриваться как социальное.

Исследователь выделяет четыре типа социального действия в порядке убывания их осмысленности:

- Целерациональное действие — когда предметы или люди трактуются как средства для достижения собственных рациональных целей. Субъект точно представляет цель и выбирает оптимальный вариант ее достижения. Это чистая модель формально-инструментальной жизненной ориентации, такие действия чаще всего встречаются в сфере экономической практики;
- Ценностно-рациональное действие — определяется осознанной верой в ценность определённого действия независимо от его успеха, совершается во имя какой-либо ценности, причем ее достижение оказывается важнее побочных последствий;

- Традиционное действие — определяется традицией или привычкой. Индивид просто воспроизводит тот шаблон социальной активности, который использовался в подобных ситуациях ранее им или окружающими;
- Аффективное действие — определяется эмоциями субъекта [5].

Относительно рациональным является ценностно-рациональное действие, которое, кроме целевых установок, имеет чисто символическое значение. Абсолютно рациональным может быть только целерациональное действие, которое всегда можно разделить на некоторые фрагменты. Деление М. Вебером рациональности предполагает выделение материального и формального ее видов.

Исследователи работ М. Вебера П.А. Гайдено и Ю.Н. Давыдов отмечают, что материальная рациональность — это рациональность для чего-то; формальная рациональность — это рациональность «ни для чего», рациональность сама по себе, взятая как самоцель.

Применимо к проблеме заявленного исследования понятие «материальной рациональности» связывается с тем, что цель лидера определяется в соответствии с системой внешних ценностей, то есть цель ставится в подчинение ценности. Естественен вывод о том, что материальный рационализм субъекта власти всегда ограничен внешними факторами при условии, что, все внешние ценности подвергнуты рациональной обработке. В этом случае рациональность лидера становится самоцелью. Происходит исчезновение связей между целью и ценностью, и при этом материальная рациональность превращается в формальную. Причина этого явления заключается в том, что цель получает такую количественную характеристику, как мера или норма.

Формальная рациональность, с точки зрения М. Вебера, предполагает не только независимость от содержания, но главным образом своеобразную калькулируемость. Это обеспечивает достижение максимальных возможностей формальной рациональности, что, как считает М. Вебер, определяется наличием частной собственности на все ресурсы, свободного рынка труда, отсутствием позитивного право и формализованной денежной системы [5].

Понятие ценностно-рационального поведения Вебер употребляет для характеристики объективно-рационального действия. В ценностно-рациональном действии складывается установка на этический императив, который становится общей целевой установкой действия, не подлежащей осмыслению в связи с другими целями.

Из обозначенных типов два действия — целерациональное и ценностно-рациональное позволяют по-новому осмыслить деятельность лидера как носителя субъективного фактора. Целерациональность лидера можно рассматривать как одну из сторон ориентации его деятельности, которая опирается на знания о мире. Лидер использует знание как руководство к действию. Другая сторона деятельности субъекта власти — ценностно-рациональная установка. Она осознается лидером через смысл поступков людей и своих поступков в обществе, как «значение для меня», располагающего индивидуальным личностным смыслом.

Целерациональное и ценностно-рациональное действия совпадают в том случае, если средства, выбранные лидером субъективно в качестве наиболее адекватных для достижения определенной цели, оказываются и объективно наиболее адекватными. Анализ исторического процесса подтверждает, что абсолютизация целерациональной или ценностно-рациональной установок в деятельности субъекта власти приводит к двум крайностям — формальной рациональности и цинической рациональности (цинизму).

Цинизм является наиболее древней ценностно-рациональной установкой лидера. Его истоки в Античности и связаны они с деятельностью киников. Зарубежные и отечественные исследователи феномена цинизма рассматривают его как учение определенной античной школы, как систему определенных гносеологических, антропологических, социальных и политических идей киников (циников). Среди зарубежных исследователей следует назвать Г. Дильса, Ф. Сейера, Б. Рассела. Среди отечественных авторов — В.Ф. Асмуса, А.С. Богомолова, А.А. Гусейнова, И.М. Нахова, А.Ф. Лосева.

Цинизм рассматривается всеми мыслителями как контр-культурная и имморалистическая позиция субъекта, которая представляет собой нигилизм, отрицающий существующую систему ценностей. Цинизм всецело ориентирован на разрушение и господствует в социуме во времена упадка государств, краха великих идеологий и религиозных доктрин. Деятельность лидеров — циников разрушительна. В условиях разрушения циники быстро завоевывают массовые симпатии, но когда общественный порядок восстанавливается, усиливается влияние государственного образования, влияние религии и академической светской культуры, государственной идеологии и общественного мнения отношение к нему изменяется и циники уходят в подполье. Цинизм существовал во все времена, но отношение к нему постоянно изменялось.

Социально-философский анализ цинизма, как установки субъекта власти, сориентированной на «переоценку ценностей» позволяет проанализировать деятельность лидеров в условиях транзитивности общества и сделать важные выводы для оценки современной ситуации и перспектив общественной жизни.

С этой целью автор обратился к работе немецкого философа, сторонника постмодернизма Петера Слотердайка «Критика цинического разума». В ней мыслитель делает попытку представить кинизм не просто как учение определенной античной школы, а как направление, проходящее через всю историю человечества и определяющее противоборство рационализма и иррационализма [6].

Дефиниция цинизма по П. Слотердайку исследуется через три подхода в определении понятия:

- интуитивный, который определяет цинизм как просвещенное ложное сознание;
- исторический, который понимает цинизм как инструмент полемики, которая «ведает, что творит», разворачивая полемику «низов» и «верхов»;
- феноменологический рассматривает цинизм как результат столкновения сознаний, когда есть официальный и неофициальный взгляд на вещи, где присутствуют две позиции героя и камердинера. В этом смысле слова «лгать» и «править» являются синонимами.

П. Слотердаик считает тезис Ф. Бэкона «Знание – сила» предельно последовательным выражением цинизма, интерпретируя его более широко: знание – это не только сила, но и власть, причем не только над природой, но и над людьми.

П. Слотердаик соглашается с Ю. Хабермасом в том, что философская критика современных демократий может выявить отсутствие их легитимации, то есть разумного обоснования. Каждого индивида втянула и подчинила себе социальная система. Одной частью своего сознания индивид критикует эту систему, а другой частью – подчиняется ей.

Современный цинизм, по П. Слотердайку, развивается как результат неудачи эпохи Просвещения. По его мнению, системе гуманистических ценностей, которая строилась в течение последних трех столетий в Европе, в XX веке была противопоставлена не менее развитая и дифференцированная шкала потребительских ценностей, в которой духовности в старом понимании этого слова уже нет места. Столкновение этих систем ценностей в одном сознании П. Слотердаик именует современным цинизмом. Это «просвещенное ложное сознание» есть сознание, которое усвоило в ходе образования все гуманистические представления об истине, добре и красоте, но не желает следовать этим представлениям по своим потребительским соображениям. Человек просвещенный оказывается всего лишь ханжой, который прикрывается высокими ценностями просветительской морали, а на деле живет в соответствии с ценностями потребительского общества. Циник живет жизнью потребителя, ищет наслаждений и удовольствий, и не скрывает этого. Суть современного цинизма заключается в том, что человек, в том числе и субъект власти, не может принять какую-то одну позицию в современном социуме.

Для заявленного исследования ценным является осмысление мыслителем кинической (цинической) традиции в философии и культуре через последовательный ряд «паноптикума киников». Философ поместил в этот ряд реальные фигуры мыслителей кинического толка и литературных героев, выведенных в произведениях различных столетий. Особое место в этом ряду П. Слотердаик отводит Диогену Синопскому, Лукиану Насмешнику, Мефистофелю Гете, Великому инквизитору Достоевского, и Хайдеггеровскому среднему человеку (Дас Манну) [6, с.185-227].

Особое внимание П. Слотердаик уделяет Ф. Ницше, которого называет нео-«киником» или «мыслителем амбивалентности». Борьба Ницше с «позитивной» европейской культурой и ее отрицание выразилось в двух процессах. Первый из них известен в истории философии, как «переоценка ценностей». Второй, не менее значимый для философии и культуры XX века – это отрицание жизненной ценности самосознания. Раскрытие изначального мотива и открытие телесности стали взрывом для буржуазной морали.

П. Слотердаик по-своему провел новую «переоценку ценностей», ликвидировав понятие «ценность» в эпоху тотального и диффузного цинизма. Он показывает новые интерпретации цинической философии в современном социуме.

Таким образом, теоретический анализ концепции П. Слотердайка позволяет применить основные его положения к проблемам транзитивного социума и к лидеру как носителю субъективного фактора. В обществе с рыночной экономикой неизбежен плюрализм мировоззрений. Он обеспечивает свободу мысли, свободу слова, свободу выбора образа жизни. Однако, он таит в себе возможность злоупотреблять этими свободами, что находит свое выражение в пренебрежении к общечеловеческим ценностям, к морали в целом, и, в конечном счете, к остальным людям. Активное и неприкрытое отрицание морали, призывы к полной «переоценке ценностей», неприятие любого авторитета, использование этики для манипулирования людьми в своих интересах – это признаки, характеризующие цинизм лидера современности.

Циническая «переоценка ценностей» предполагает полный отказ от тех способов организации общественной жизни и культуры, которые были выработаны человечеством на протяжении двух с половиной тысяч лет. Современные циники пропагандируют крайний эгоизм, пренебрежение долгом и обязанностями, оправдывают предательства и измены. С позиций неокиника П. Слотердайка циниками представляются практически все современные люди, на словах следующие принципам Просвещения, а

на практике, прибегающие к насилию, манипулированию и эксплуатации, прикрываясь ханжескими интерпретациями просветительских идей.

Таким образом, цинизм современного лидера можно рассматривать как крайность ценностно-рациональной установки в деятельности субъекта власти на «переоценку ценностей». Установка на целерациональность в деятельности субъекта власти связана с ее разновидностью – формальной рациональностью. Формальная рациональность в современной социальной философии предполагает максимальное совпадение логики действия и имманентной логики развития объекта, на которую направлено это действие. В результате отдельные сферы действительности под воздействием этой внутренней логики всё более и более обособляются от субъекта действия.

Истоки формальной рациональности коренятся в философии позитивизма эпохи модерна. Ее основателем был О. Конт. В своих работах «Курс положительной философии» и «Система позитивной политики» он изложил план научных работ, необходимых для осуществления нового общества, где экономика совершенствуется только ради экономики, политика – ради политики, а право становится сферой нормативности, безразличной к человеку [7]. Формальная рациональность означает стандартизацию жизни и наиболее рельефно проявляется в институтах управления обществом, организующих и осуществляющих регламент общественных отношений. На уровне институтов управления она заявляет о себе диктатурой бюрократии, приоритетом закона в условиях декларации, но не осуществления первенства права. Государство в таких условиях является той питательной средой, где легко и естественно реализуется «чиноначалие», где исполнительная власть игнорирует законодательную, а судебная власть инвестирует средства для сомнительных целей.

Мир в условиях господства формальной рациональности, с одной стороны, становится более ясным, а с другой стороны, более сложным и многообразным, так как происходит дифференциация и специализация его частей. Если формальная рациональность в экономическом действии в качестве «калькуляции или расчетливости, технически возможна и фактически применяется», то ценностная рационализация мира и рационалистическая парадигма в сфере духовной лишает субъекта единого смыслового центра и уничтожает единую нравственную субстанцию, персонификацией которой был Бог.

Рациональность эпохи модерна вытесняет мораль из сферы публичной жизни, разрушает веру в абсолютность нравственных норм. Мораль перестает играть роль стабилизирующего фактора и в тоталитарном универсуме «авторитета власти» формируется новая властная парадигма лидерской деятельности. В ее основе лежит рационализированный антропоцентризм с системой политико-правовых ценностей и новых механизмов реализации лидерства в области политики, права и основных сферах государства. В этих объективных условиях комфортно чувствует себя новый субъект власти. Это авторитарный лидер с установкой на целерациональность. Он получает возможность совершать соответствующие манипуляции с объектом и, обладая рациональными знаниями о мире выбирать необходимые средства для своего рационального поведения.

Поднимая до уровня всеобщего технологический или экономический принцип, философы модерна упустили из вида то, что человечество не есть только материальная система. По мнению В.И. Вернадского «Развитие технологий, превращает материальную целерациональность в самостоятельную мощную геологическую силу, которая имеет возможность, как к бесконечному освоению космоса, так и к самоистреблению». Духовное бытие включает приоритеты нравственности над технологией и политикой, чувство личной ответственности за результаты общего дела; развитие экологического сознания, адекватность отражения объективных материальных условий жизнедеятельности людей.

Осознание последствий эпохи формальной рациональности и перспектив нигилизма в европейской культуре привели исследователей к мыслям о конце истории. То на что указывали Ф. Ницше и М. Вебер стало очевидным и наглядным в XXI веке.

В настоящее время мировое сообщество переживает новое переходное состояние. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар называет это состояние «ситуацией постмодерна». Постмодерн, как период осмысления пройденного, подведение итогов и переоценки основных ценностей модерна, прежде всего базовой – идеи рациональности, необходим для того, чтобы гарантировать взвешенный всесторонний взгляд на эпоху модерна. Ее кризис связывается с самодискредитацией разума, кризисом аутентичности человека, который потерялся в мире, созданном им самим.

Формальная рациональность в эпоху модерна была востребована, как объективная необходимость и закономерный этап в развитии социума. В современном мире она продолжает господствовать, но представляет собой новый этап в развитии целевой рациональности. Носитель субъективного фактора – лидер должен подняться над крайностями абсолютизации целерациональной и ценностно-рациональной установок и подойти к анализу общественной жизни через их диалектику в историческом пространстве и времени.

Целераціональне і ціннісно-раціональне діяння суб'єкта влади співпадут в тому випадку, якщо засоби, вибрані лідером як найбільш адекватні для досягнення певної мети, виявляться і об'єктивно найбільш адекватними. Обмеженість теорій, які абсолютизували целераціональну або ціннісно-раціональну установку в діяльності лідера во багатьох тупикових і ведуть в нікуди.

Аналіз целераціональності і ціннісної раціональності дозволяє по-новому осмислити роль лідера в умовах традиційного і індустріального суспільства, глибше і адекватніше зрозуміти відношення лідера до світу на різних етапах суспільного розвитку.

В умовах становлення традиційного первісного суспільства умовний труд, свідомість лідера було «непосередньо вплетено в матеріальну діяльність і спілкування людей, в мову реальної життя». Таке становище суб'єктивного фактора визначалося синкретизмом його свідомості, і було обумовлено незрілістю матеріальної форми життєдіяльності людей. Влада авторитету лідера (вождя, старійшини) ґрунтувалася на моральних цінностях роду, племені. Мораль була засобом орієнтації людини в соціальному середовищі, в відношенні до світу і до себе. Целераціональна і ціннісно-раціональна установка суб'єкта влади співпадали.

В результаті розпаду первісного суспільства і розпаду родової громади на сім'ю, на зміну суспільній власності приходить приватна власність, яка суттєво змінює не тільки суспільне свідомість, але і свідомість лідера нового суспільства. Перехід від традиційного до індустріального суспільства привів до зміні соціальних орієнтирів і установок суб'єкта влади, внутрішньої логіки його поведінки. Цей поворот був пов'язаний з процесами зростання науки, демократії і розвитку ринкових відносин, в основі яких лежала формальна раціональність. Домінантою в цій парадигмі були установки лідера на раціональну стратегію, розрахунок і контроль. Лідер тут виступав як центр активного суб'єкта соціальних процесів, а підлеглі як об'єкт, активність яких визначалася лідером. Він як суб'єкт влади формував цілі і визначав завдання, форми і методи діяльності в суспільстві. Формальна раціональність як установка на целераціональність в діяльності лідера витіснила мораль з сфери публічного життя і знищила віру в абсолютність моральних норм. Всі вони були розраховані на хайдеггеровського усередненого людини.

В сучасному світі виокремлюється нова ієрархічна система цінностей і нова лідерська парадигма – гуманістична. «Вище місце в цій парадигмі займають екзистенціальні цінності – і родового суб'єкта – людськості, і різних шарів суспільства, і кожної особистості» [3, с. 138]. Ці цінності акцентують увагу на розвитку особистості і відносин «людина – людина», а не «Я» і «Ты», «Ми» і «Вони». Лідер і його послідовники стають рівноправними учасниками соціального процесу.

Умови перехідного періоду вимагають від суб'єкта влади діалектичного єднання установок целераціонального і ціннісно-раціонального діяння. Лідер ставить целераціональні задачі модернізації суспільства і ґрунтується на об'єктивних знаннях про світ. Адекватне соціально-політичне, правове, економічне знання про дійсність, за яким стоїть можливість вибору лідером того чи іншого шляху розвитку суспільства є справжнім двигуном його волевого діяння. В його основі лежить інтелект, як цілепокладання, побудова стратегії досягнення мети. Він обумовлений внутрішніми умовними здатностями суб'єктивного фактора і об'єктивними умовами, в яких інтелект проявляється. Але розуміння наслідків своєї діяльності, здійснюваних дій індивідів, народів, всього людськості дозволяє йому наблизитися до ціннісно-раціонального типу діяння, ґрунтуючись «на вірі в безумовну – морально-естетичну, задовольняючу цінність його певного поведінки як такої».

Сучасний лідер повинен усвідомлювати ціннісні парадигми нової епохи, ступінь глибини і гостроти моральної відповідальності за процеси модернізації, становлення і розвитку майбутнього суспільства. Видіння нових структурних основ національної, локальної і загальнолюдської соціальності в умовах сучасної цивілізації визначається філософським світоглядом лідера, його етичними мотивами і атрибутивними початками. Тільки суб'єкт реформ, володіючий відповідним гуманістичним світоглядом, економічною грамотністю і політичною справедливістю, генеруючий соціальні і культурні новачки, адекватні викликам епохи, і приймаючий рішення в «інтересах всіх» зможе йти на трансформаційні ризики і керувати кризовим суспільством.

Ціннісно-раціональна установка сучасного лідера сьогодні складається не тільки в досягненні зовнішньої мети – реформуванні суспільства, а в самому певному розумінні во ім'я чого проводиться модернізація і які її наслідки. Лідер виступає сьогодні як особа «лиця історії», на яку ґрунтується на знання соціокультурних умов, економічних ресурсів і можливостей країни.

Аксіологічна раціональність сучасності вимагає нового типу лідера. Це «ситуативний» лідер з новою парадигмою лідерського впливу. Він повинен відчувати час, уміти

принимать решения в ситуациях неопределённости и транзитивности, что потребует от него не только знаний, но и развитой интуиции, умения «слушать и слышать», «смотреть и видеть». Для личности лидера транзитивного общества базовыми ценностными ориентирами являются гуманистические ценности, обусловленные социальной сущностью человека, его духовной природой, к которым относится сам человек, его жизнь, долг и ответственность, честь и достоинство, свобода, совесть и справедливость. В своём большинстве эти ключевые ценности субъекта власти являются абсолютно необходимыми для того, чтобы самоактуализироваться, найти своё предназначение, высокий смысл и достойное занятие, которому можно было посвятить свою жизнь [3, с. 95].

Особую значимость эти ценности имеют для лидеров современной Украины. На пути современных трансформационных преобразовательных процессов страна проходит через три закономерных в условиях переходного периода этапа – разрушения, аккумуляции и созидания, которым соответствует свой тип лидера: разрушителя, собирателя, созидателя [8, с. 3].

Завершившийся в Украине начальный этап разрушения старых ценностных парадигм, которому соответствовал лидер-дестроер, позволил новой лидерской элите приступить к реформированию отечественного социума, но не привел к кардинальным преобразованиям всей социетальной системы и не обеспечил стабильное функционирование и продуктивное развитие страны. Общество по-прежнему находится в крайне неустойчивом состоянии. Внутренние вызовы, детерминированные изменениями социокультурной, экономической и политико-правовой структур общества обострили «болевые точки» переходного периода в Украине. Это атомизированность общества, борьба всех против всех; недоверие общества к власти, ко всем ее представителям; неразделенность власти и бизнеса, их коорумпированность; недоверие общества к бизнесу; господство финансово-промышленной олигархии; отсутствие среднего класса; дисфункция социальной системы (разрыв между богатыми и бедными); квазимногопартийность; депопуляция нации; наличие проблемы разделенной нации; проблема межэтнического дистанцирования; языковой вопрос; очевидные неудачи экономических реформ; нищета и рост преступности.

Все эти внутренние вызовы нестандартных объективных условий востребуют на этапе аккумуляции идей своего исторического ответа и своего лидера. Властная украинская элита пытается демонстрировать приверженность новым ценностным ориентирам, которые соотносятся с системной трансформацией социума. Однако, линейные монистические целерациональные установки и далее продолжают господствовать в сознании лидеров власти [9, 10]. Это приводит к неоправданно медленной инерционно-циклической инновационной реформации кризисного социума и, по мнению авторитетного отечественного исследователя О.А. Вусатюка к «цивилизационному дрейфу» Украины в ее макроисторической трансформации. «История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее её природе, навязать среде путь эволюции без учета её собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в «капкан истории», приходит к трудно поправимому кризисному состоянию» [10].

В условиях современной Европы, в мире новой постиндустриальной экономической нетеократической эры, устаревшая административно-бюрократическая парадигма лидерства в Украине изжила себя. На этапах аккумуляции и созидания должна быть востребована новая отечественная демократически-управленческая элита, способная «мыслить глобально, а действовать регионально», формируя новую гуманистическую этику ответственности будущего. Но этот процесс сложный, ибо ему противостоят силы, заинтересованные в торжестве хаоса.

Таким образом, на этапе аккумуляции и созидания особые качества лидера – это воля к истине и воля к духовному совершенству являются беспрецедентными. Единство установок целерационального и ценностно-рационального действия субъекта власти с ориентиром на этический императив становится общей целевой установкой действия. Основательность, строгость, ответственность отечественного лидера в вопросах нравственного ориентирования общества, умелое сочетание национальных и общечеловеческих интересов, стремление подчинить сформированное в обществе локальное стереотипное мышление глобальному предопределяют возможности влияния лидера на массы.

Обобщая всё выше изложенное по теме данного научного исследования, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, целерациональная и ценностно-рациональная установки – это не параллельные ветви сознания, а диалектически взаимосвязанные и взаимообуславливающие друг друга действия, выбранные лидером субъективно в качестве наиболее адекватных для достижения определенной цели.

Во-вторых, целерациональное действие субъекта власти можно рассматривать как средство для достижения рациональных целей, а ценностно-рациональное действие как установку на этический императив, который становится общей целевой установкой действия.

В-третьих, социально-философский анализ целерациональной и ценностно-рациональной установок показал, что их абсолютизация в форме формальной рациональности или цинизма приводит к крайностям в развитии социума.

В-четвертых, историко-философский анализ целерациональной и ценностно-рациональной установок в деятельности лидера традиционного и индустриального общества показал их диалектику в условиях «власти авторитета», где основой парадигмы лидерства был «нравственный антропоцентризм», приоритет целерациональной установки в условиях «авторитета власти», где лидер руководствовался формальной рациональностью.

В-пятых, условия современного украинского транзитивного общества требуют диалектического единства установок целерационального и ценностно-рационального действия субъекта власти. Это единство детерминировано новой гуманистической парадигмой лидерства с ориентиром на приоритет «воли к истине» и «воли к духовному совершенству».

Бібліографічний список використаної літератури

1. Drucker P.F. Post Capitalist Societies / P.F. Drucker. — N.-Y., 1995. — 232 p.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. — СПб., 1993. — С. 20.
3. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. — Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1997. — 205 с.
4. Аристотель. Политика // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля / Предисл. В.В. Шкода. — М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2003. — С. 441–699.
5. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 806 с.
6. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. — С. 131–137.
7. Конт О. Система позитивной политики / О. Конт // Западно-европейская социология XIX века. — М.: 1996. — С. 109.
8. Кальной И.И. Гражданское общество как одна из составляющих системы координат общественного развития / И.И. Кальной // Ученые записки ТНУ им. В.А. Вернадского. — Том 17 (56). — № 2. — С. 3–12.
9. Князева Е.Н. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С. 40.
10. Вусатюк О.А. Україна та Росія у «цивілізаційному дрейфі»: досвід, можливості та обмеження соціокультурних перетворень / О.А. Вусатюк // Стратегічна панорама. — 1999. — № 3. — С. 137–145.

Поступила в редакцію 26.01.2011 г.

Галяс І.А. Формальна раціональність лідера сучасного суспільства та її обмеженість

Розглядається сутність формальної раціональності, як цілерациональної установки у діяльності лідера – базового носія суб'єктивного фактора та обґрунтовується необхідність формування в умовах сучасного транзитивного суспільства нової гуманістичної парадигми лідерства.

Ключові слова: лідер, формальна раціональність, цілерациональна установка, ціннісно-раціональна установка, цинізм.

Galyas I.A. Formal rationality of a modern society leader and its narrow – mindedness

The essence of formal rationality as the goal rationale of the activities of a leader viewed as the basic bearer of the subjective factor is considered, and the necessity of forming a new humanistic leadership paradigm in the environment of modern transitive society is grounded.

Keywords: leader, formal rationality, goal-rational setting, valued-rational setting, cynicism..